

802-17
1949

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ—МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЕНИЖКА ПЯТАЯ.

№ № 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ девянтнадцати рисунковъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, СТАРШІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

своей семьи. Не нужно перечислять достоинствъ личнаго состава Имеретинскаго полка, довольно сказать только, что гг. офицеры, въ главѣ съ своимъ командиромъ Альбертомъ Карловичемъ Зедеггольмомъ, всегда съ готовностью содѣйствовали всѣмъ полезнымъ общественнымъ предпріятіямъ, а молодцы-солдаты держали себя совершенно честно и прилично и, мало того, были первыми и лучшими защитниками во время общественныхъ бѣдствій, каковы, напримѣръ, нерѣдко случавшіеся пожары. Разставаясь съ Имеретинскимъ полкомъ, Балашевское общество, призывая на него благословеніе Божіе, посылаетъ ему свой прощальный привѣтъ и отъ души желаетъ успѣховъ его оружію, въ ряду славныхъ защитниковъ обожаемаго Монарха и дорогаго отечества».

Балашевъ. Мая 15 дня 1871 года.

Послѣ рѣчи предводителя, городской голова пригласилъ солдатъ смочить предстоящій путь солдатскою чаркою, которая первая тутъ-же, на площади, была выпита предводителемъ за здравіе Государя Императора. Громогласное солдатское и крестьянское «ура» единодушно встрѣтило эту родную русскую заздравницу и звучно понеслась она съ площади далеко по улицамъ города, наполненнымъ народомъ. Затѣмъ, офицеры полка были приглашены на обѣдъ, приготовленный въ городской думѣ, и эшелонъ могъ выступить на первый почлегъ лишь передъ вечеромъ, когда спалъ полуденный жаръ.

Разсказанный нами случай заявленія общественнаго сочувствія постоянцамъ-солдатамъ, представляется далеко не исключительнымъ, — подобные проводы солдатъ повторяются сплошь и рядомъ, — у насъ, на Руси, они въ духѣ

русскаго общества, они служатъ выраженіемъ его радушія, искренности и гостепріимства; тотъ, кому пришлось пострадать при войскахъ, по разнымъ угламъ нашей родины, кому пришлось самолично видѣть эти теплыя отношенія, это родственное разставаніе; тому не нужно увѣреній, что солдатъ нашъ остается тѣмъ-же честнымъ и добросовѣстнымъ служакою, какимъ былъ прежде, что онъ всегда готовъ на помощь ближнему, не щадя ни усилий, ни даже жизни подчасъ, когда дѣло идетъ объ отращеніи общественной бѣды.

СОЛДАТСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТУРКМЕНИ, ИХЪ ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И СВАДЕБНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА.

(Разсказъ очевидца).

У туркменскаго старшины Ишана Нуръ-Мухамеда праздновалась двойная свадьба: онъ собирался женить своего сына и выдавать замужъ свою сестру. На свадьбу съѣхалось много туркменъ и киргизовъ и я былъ приглашенъ въ качествѣ также почетныхъ гостей.

Ишанъ Нуръ-Мухамедъ Бекъ-Турдинъ, семидесятилѣтній старикъ, живетъ съ семействомъ своимъ слишкомъ за версту отъ форта Александровскаго, въ небольшомъ ка-

менномъ домигѣ, состоящемъ изъ одной большой и четырехъ маленькихъ комнатъ. Полъ устланъ мягкими и красивыми коврами. У стѣны, противъ главной двери, сдѣлано небольшое возвышеніе изъ войлоковъ, покрытое красивымъ и дорогимъ ковромъ. Здѣсь часто возсѣдаетъ почтенный сѣдой Ишанъ, сложивъ подъ себя калачикомъ ноги, обувъ въ красные сафьянные сапоги, или же лежитъ на боку, покладывая свою сѣдую голову и небрежно развалившись на богато вышитой подушкѣ.

У Ишана есть свой огородъ, гдѣ растутъ арбузы, дыни, огурцы, морковь и другія овощи. Огородъ поливается, потому что въ этой песчаной и знойной странѣ дожди бываютъ едва-ли два-три раза въ годъ. Усадьба Нуръ-Мухамеда обнесена низкимъ валомъ, небрежно сложеннымъ изъ грубого камня.

Обстроившись и обзаведясь огородомъ, т. е. сдѣлавшись почти осѣдлымъ, Нуръ-Мухамедъ преступилъ законы и обычаи своего народа, такъ какъ киргизы и туркмены народъ не осѣдлый, а кочевой. Живутъ они въ кибиткахъ, или шатрахъ, выстроенныхъ изъ перекрестныхъ тонкихъ жердочекъ, называемыхъ «унинами» и образующихъ рѣшетчатый кругъ. Унины обшиваются кошмами или войлоками. На верху кибитки дѣлается отверстіе, служащее трубою и окномъ; оно называется *карача*. Во время непогоды и для сбереженія въ кибиткѣ теплоты, карача закрывается такъ называемымъ *тюдюкомъ*, т. е. четырехугольнымъ войлокомъ. Входъ въ кибитку закрывается также войлокомъ или ковромъ.

Этотъ наскоро построенный домъ разбирается на части и перевозится съ кочевья на кочевье, туда, гдѣ обиліе пастбища. Туркмены, также какъ и киргизы, не бѣдятъ на

колесахъ и перевозятъ все свои пожитки на верблюдахъ, навьючивая на нихъ огромные тюки. Иногда на верху этихъ тюковъ взгромоздятся еще какой-нибудь мальчуганъ или больной. Туркмены еще дичѣе киргизовъ, но болѣе кроткаго нрава. Законъ свой, магометанскій, они исполняютъ правильнѣе и усерднѣе киргизовъ.

Туркмены не занимаются ни земледѣліемъ, ни садоводствомъ; весь промыселъ ихъ состоитъ въ скотоводствѣ. Хлѣбъ употребляютъ весьма немногіе изъ нихъ, и то — *байуши* (бѣдняки), живущіе болѣею частію у русскихъ или недалеко отъ нихъ. Отдаленные же степняки обжираются только мясомъ, пловомъ и баламыкомъ *), напиткомъ служить у нихъ кумысъ, опьяняющій не хуже вина.

Изъ немного сказаннаго здѣсь о туркменахъ и киргизахъ можно видѣть, что Ишанъ-Нуръ-Мухамедъ, поселившись вблизи форта, нарушилъ обычаи ордынцевъ и тѣмъ возбудилъ противъ себя негодованіе киргизовъ, находящихся почти въ непрерывной враждѣ съ туркменами, и еслибы не страхъ, наводимый на нихъ небольшими отрядами казаковъ **), они давно-бы уже зарѣзали и разорили все семейство Ишана. Прежде, чѣмъ я опишу туркменскую свадьбу, позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и расскажу нѣсколько случаевъ хищническихъ набѣговъ киргизовъ, составляющихъ въ нашихъ глухихъ степяхъ самое обыденное явленіе.

Въ 1860 и 1861 годахъ хищные киргизы часто на-

*) Болтушка, вареная изъ муки и молока.

**) Въ форгѣ Александровскомъ находятся на службѣ двѣ сотни уральскихъ казаковъ.

падали на табуны лошадей и верблюдовъ и стада барановъ Нура-Мухамеда и угоняли ихъ къ себѣ въ степь; но разбѣзды уральцевъ настигали разбойниковъ, отбивали у нихъ скотъ и возвращали его хозяину.

Лѣтомъ Ишанъ съ семействомъ, большею частію, отправляется на кочевки въ степь, не далѣе впрочемъ какъ верстѣ за тридцать отъ форта. Въ 1861 году, когда аулъ его кочевалъ въ урочищѣ *Акз-Китыкз*, въ двѣнадцати верстахъ отъ форта, шайка киргизовъ, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, въ глубокую и бурную сентябрьскую ночь, нагрянула на спящій аулъ Нуръ-Мухамеда. Киргизы, захватили нѣсколько верблюдовъ и лошадей, похитили пару золотыхъ и пару серебряныхъ браслетъ, грудной серебряный женскій уборъ, нѣсколько богатыхъ ковровъ и другихъ дорогихъ вещей, всего на сумму около двухъ тысячъ рублей; сверхъ того хищники взяли въ плѣнъ дѣтей Ишана: сына Ширъ-Мухамеда, хорошенькую дочь Нуръ-Вибии и внука Аувеса, Ханъ-Маметова сына.

Старикъ Ишанъ въ эту ночь былъ въ своемъ домикѣ, и, извѣщенный о нападеніи, прискакалъ отъ мѣста баранты *) съ своимъ сыномъ, Ханъ-Маметомъ, въ фортъ, къ коменданту, и со слезами на глазахъ умолялъ его выслать въ погоню за барантовщиками команду казаковъ.

Пока снаряжали казаковъ въ погоню, киргизы удирали въ степь, пересаживаясь съ усталыхъ лошадей на свободно бѣжавшихъ за ними на арканахъ и стараясь въ то же время скрыть свои слѣды. А казаки, гоняясь за разбойниками на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ и теряя часто

слѣды ихъ, проскакали напрасно до семидесяти верстъ и принуждены были оставить свои преслѣдованія. Они остановились у подошвы горы *Эдми-тау*, и, давъ отдохнуть измученнымъ лошадямъ, возвратились въ фортъ. Бѣдный старикъ былъ въ отчаяніи.

Но, благодаря энергической распорядительности коменданта и содѣйствію киргизскихъ сардаровъ, бѣговъ и старшинъ, успѣли на слѣдующій годъ освободить дѣтей Ишана и угнатый скотъ.

Послѣ этого набѣга, Ишанъ сталъ гораздо осторожнѣе, и теперь его не тревожатъ. Но хищные киргизы не перестаютъ враждовать по прежнему противъ туркменъ и дѣлаютъ нападенія на ихъ мирные аулы. Такъ въ зиму 1863 года, они напали на аулъ ходжинскихъ туркменъ и ограбили его, но туркменинъ, поскакавшій просить помощи у своихъ однородцевъ, успѣлъ во-время привести помощь, и туркмены, отбивъ обратно свой скотъ и имущество, схватили одного киргиза и представили его въ фортъ. Киргиза судили, и сослали въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ; прочіе же разбойники бѣжали. Въ то же время киргизы убили трехъ русскихъ рыбопромышленниковъ, трупы которыхъ найдены были на берегу моря. Преступники скрылись и не пойманы до сихъ поръ. Наконецъ, дерзость киргизъ дошла до того, что, въ августѣ мѣсяцѣ 1864 года, болѣ сорока человѣкъ, предводительствуемые отважнымъ *Кабакомъ Худай-Береновымъ*, напали, въ ста двадцати верстахъ отъ форта, на киргизскій аулъ, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ туркменами, и пасшій ихъ скотъ. Послѣ продолжительной драки, разбойники, имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ въ численности, взяли верхъ и угнали туркменскій скотъ—до 35 верблю-

*) Наѣзды, дѣлаемые ордынцами на сосѣдей съ цѣлю ограбить или отомстить за какія-либо обиды.

довъ и 200 барановъ. При этомъ со стороны нападавшихъ убито два человѣка и ранено четыре, а у защищавшихся ранено пять человѣкъ.

Но обратимся къ свадьбѣ.

Два дня у старшины Ишана происходила дѣятельная и огромная стряпня. Онъ созвалъ на свадьбу болѣе пяти-сотъ человѣкъ туркменъ и киргизовъ и израсходовалъ на угощеніе одиннадцать пудовъ риса, пятнадцать пудовъ пшеничной муки, три пуда кишмишу, два пуда али-бухары *) восемьдесятъ барановъ и четырехъ жеребятъ. Изъ всего этого наварили пловъ и, отдѣльно мяса, напекли съдобныхъ слоеныхъ лепешекъ. Мѣстность, на которой построена усадьба Нуръ-Мухамеда, представляетъ на западъ, огромный полукругъ, оканчивающійся безграничнымъ горизонтомъ блестящаго отъ солнца моря. Въ двухъ верстахъ отъ берега, вдоль его, тянутся высокія, сперва покатыя а къ вершинѣ крутыя каменистыя горы. Вездѣ песокъ и морская раковина; кое-гдѣ едва проглядываетъ полынь и какія-то еще жалкія растенія. Съ другой стороны тянется степь, по которой въ разбродѣ пасутся верблюды и лошади, пощипывая тощую траву. У самой усадьбы Ишана раскинуто было шесть кибитокъ, изъ нихъ одиѣ принадлежали женихамъ, другія—невѣстамъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, двѣ кибитки были бѣлѣе и чище прочихъ.

У восточныхъ кибитокъ стояли два верблюда, которые своимъ страннымъ нарядомъ обращали на себя вниманіе русскихъ, на верблюдахъ были накинута прекрасныя попоны изъ алаго сукна, шитыя золотомъ, серебромъ и шол-

*) Кисловатые плоды, похожіе на черносливъ.

комъ. На горбахъ животныхъ устроено по небольшой кибиткѣ, или, лучше сказать, по небольшому шатру изъ малиноваго бархата, расшитому также разными узорами серебромъ и золотомъ; въ гривахъ и ушахъ верблюдовъ и на шатрахъ пестрѣли и развѣвались по воздуху цвѣты, изъ козьяго и лебяжьяго пуха, разноцвѣтныя ленточки и лоскуты шолку, сукна, бархату, ситцу. Въ этомъ пышномъ, но странномъ нарядѣ, огромныя, неуклюжыя животные, вытянувъ свои длинныя, дугообразныя шеи и поднявъ къверху безсмысленныя бараньи головы свои, были такъ уморительно-забавны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытны и интересны, что вокругъ нихъ толпились любопытные—киргизы, туркмены, татары и русскіе, смѣшавшіеся въ нестройную толпу, толкавшую другъ друга, кричавшую и ругавшуюся на всѣхъ языкахъ.

Кибитки жениховъ, а также и невѣстъ, наполнены были *марзями* и *киздарами* (женщинами и дѣвцами). Многія женщины шатались въ толпѣ; но это были, болѣею частью, байгуши (бѣдныя), а не почетныя гости. Онѣ были одѣты въ полушолковые или бумажные халаты, туго обтягивавшіе ихъ нестройныя станы; на ногахъ были огромныя мужскіе сапоги, а нѣкоторые были босикомъ. Большая часть этихъ женщинъ были безобразны: лицо широкое, носъ также широкій и расплывшійся по щекамъ, лобъ выпуклый и небольшой;—запачканныя засаленныя. Впрочемъ, говорятъ, что у туркменъ есть и красавицы. Мнѣ любопытно было убѣдиться въ этомъ, и, недолго думая я отправился наугадъ къ одной изъ кибитокъ и дерзкою рукою поднялъ завѣтный коверъ, скрывавшій отъ нашихъ глазъ восточныхъ красавицъ «*Китъ! джуръ! карама!*» (уйди прочь, — не заглядывай)! закричали на меня нѣ-

сколько голосовъ. Смутившись, я отошелъ отъ заповѣднаго мѣста, но все-таки успѣлъ кое-что увидѣть. Въ кибиткѣ сидѣло около десяти женщинъ; изъ нихъ три или четыре были очень хорошенькія, а прочія—безобразныя старухи; всѣ закрыты были съ головы до ногъ халатами. Я могъ также замѣтить, что не всѣ женщины одинаково недружелюбно приняли меня, одна изъ молоденькихъ не только не кричала *китъ*, но даже премило улыбнулась.

Пренятствіе увеличило только мое любопытство и я рѣшился непременно побывать въ кибиткахъ. Это было не легко и даже очень не легко; но у меня была надежда на десятилѣтняго внука Ишана, Мамбата. Онъ былъ баловень и любимецъ всего семейства, и родители его, въ знакъ особенной любви своей, отрустили ему среди гладко обритой головы его, большую косу. Смотри на голову съ хвостомъ Мамбетки, она всегда напоминала мнѣ большую рѣпу. Отыскавъ этого мальчугана, я попросилъ его показать мнѣ хорошенькихъ гостей. Мамбетка согласился и повелъ меня въ кибитку невѣсты брата своего Аувеса. Онъ вошелъ первый, и впустилъ меня.—»Селямъ—алей кюмъ», сказалъ я, снимая кепи.

Здѣсь не встрѣтили меня крикомъ, подобно тому какъ въ первой кибиткѣ, но всѣ привѣтствовали меня протяжнымъ почти на распѣвъ: «Алейкюмъ—селямъ.»

Въ этой кибиткѣ были гости изъ дальней степи. Они никогда не видали русскаго и съ любопытствомъ стали осматривать меня съ головы до ногъ. Мой нарядъ показался имъ до того удивительнымъ, что они съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ разсматривали его. Нѣкоторые даже подходили къ мнѣ и разсматривали гранаты на пуговицахъ и снимали съ меня кепи. Эти дикарки очень

любить обвѣшивать себя блестящими металлическими вещами. Всѣ они были одѣты въ длинныхъ широкихъ рубахахъ, шитыхъ изъ шелка, штофа или ситца безъ воротниковъ; на груди рубахи, кругомъ ворота, ~~вышиты~~ разные узоры. Кромѣ того, онѣ надѣваютъ дорогіе грудные уборы, шириною въ два и три вершка, вышитые серебромъ и золотомъ, обвѣшанные серебряными и золотыми монетами и блестками своего издѣлія, драгоценными камнями и многими другими побрякушками. Платьевъ онѣ не носятъ: та же рубашка у нихъ и платье. Какъ женщины, такъ и мужчины ходятъ въ халатахъ и армякахъ, а въ холодное время надѣваютъ шаравары, такіе широкіе, что въ нихъ запускаютъ рубашку, халатъ и даже шубу. Головной уборъ туркменокъ различный; но общій національный уборъ у нихъ такой же, какъ и у киргизокъ. Онъ состоитъ изъ двухъ длинныхъ, красныхъ платковъ, (у киргизокъ бѣлыхъ); первымъ онѣ повязываютъ голову черезъ подбородокъ и концы платка распускаются по плечамъ, вторымъ обвязываютъ голову поверхъ перваго, такъ что изъ всего убора образуется видъ тюрбана, или бывшаго казачьяго кивера. У гостей же Ишана-Нуръ-Мухамеда были и другіе уборы. Такъ, напримѣръ: у одной прекрасной туркменки была краснаго бархата шапочка на подобіе архіерейской митры; нижній край ея былъ обшитъ чистымъ лебяжьимъ пухомъ, а верхній—гораздо шире нижняго—унизанъ разными затѣйливыми узорами, отъ которыхъ висѣли и брнчали разныя мелкія монеты; изъ-подъ шапочки падала на спину богатая трѣхугольная сѣточка изъ жемчужныхъ нитокъ. Къ удивленію моему, я замѣтилъ, что у этой прекрасной туркменки, и еще у одной, тоже хорошенькой, были продѣты въ носъ большіе сере-

брасныя кольца, — украшеніе, очень портившее естественную красоту ихъ лицъ. Лицо прекрасной туркменки было блѣлое, вѣжное, продолговатое; ротъ маленькій, губы тонкія, красненькія, носъ съ небольшимъ горбомъ, не очень длинный; черныя волосы были заплетены въ безчисленныя косички. Красавица постоянно улыбалась и выказывала чистѣйшія бѣлыя зубы прекраснѣйшей формы. Изъ подъ длинныхъ рѣсницъ сверкали пламеннымъ огнемъ большіе черныя глаза. У многихъ были на рукахъ тяжелыя серебряныя и золотыя браслеты. Всѣ вообще были одѣты въ пестрыя бархатныя, суконныя и бумажныя халаты, которые туркменки надѣваютъ и на голову, замѣняя этимъ наши шали и вуали. Ботинокъ и башмаковъ онѣ не носятъ, но ходятъ, смотря по состоянію, въ красныхъ сафьянныхъ или бѣлыхъ сапожкахъ, безъ подборовъ. Въ такихъ же сапожкахъ, только съ необыкновенно большими подборами, ходятъ и богатые туркмены.

Кибитка, въ которой я находился, раздѣлялась большимъ богатымъ ковромъ на двѣ половины; въ одной половинѣ находилась невѣста съ своею свахою и подругами. Мнѣ хотѣлось посмотреть ея; но, по обычаю туркменъ, она никому изъ мужчинъ, въ особенности неправовѣрнымъ, не показывалась. Я вышелъ изъ кибитки, сказавъ имъ на прощанье: «аманболъ!» (будьте здоровы!)

Теперь расскажу вамъ, на сколько могъ узнать, о брачныхъ обычаяхъ Туркменъ. Также какъ у насъ, и у нихъ есть сваха. Когда, по просьбѣ родныхъ, арада-иргуше (сваха) сосватаетъ жениха и невѣсту, — избираются два свидѣтеля посредника, называемые *гува-ишаиты*, родъ нашихъ сватовъ. Они отправляются къ жениху и спра-

шиваютъ его: любить-ли онъ такую-то дѣвушку и согласенъ-ли взять ее себѣ въ жены? Если женихъ отвѣчаетъ утвердительно, что согласенъ, то гува-ишаиты идутъ къ невѣстѣ. Они объявляютъ ей, что пришли отъ такогото славнаго *батыря* *), который любить ее до такой степени, что безъ нея ему жизнь не въ жизнь, что онъ проситъ соединить ея жизнь съ его жизнью, и тогда, подъ его защитою, ни одинъ врагъ не посмѣетъ взглянуть на ея прекрасное тѣло, что она будетъ жить у него въ довольствіи и всегда хорошо одѣта. Потомъ ее спрашиваютъ: согласна ли она принять предложеніе этого богатыря. Когда невѣста изъяснитъ свое согласіе, тогда родители обоихъ, ведутъ между собою условіе о платежѣ калыма. Калымъ же платятъ скотомъ, вещами или деньгами. Потомъ назначается день свадьбы. Женихъ съ невѣстою могутъ видѣться и говорить до самаго этого дня; но тутъ они расстаются и не видятъ другъ друга до вечера, чтобы потомъ соединиться навѣчно. Невѣста въ этотъ день, какъ мы уже видѣли, сидитъ въ своей кибиткѣ съ арада-иргушею и подругами, а женихъ гуляетъ въ степи съ молодыми ребятами, гарцуетъ на лихомъ конѣ, стяжаетъ себѣ у товарищей славу богатыря. Вечеромъ онъ является въ свой аулъ, и арада-иргуши вручаетъ ему его молодую жену.

На брачномъ богослуженіи, соединяющемъ два сердца, не присутствуютъ виновники торжества: — женихъ и невѣста; тутъ находятся только родные, родственники, арада-иргуше, гува-ишаиты и друзья. Торжества этого я не видѣлъ:

*) По-татарски богатырь, а по-киргизски и туркменски — батырь, означаетъ человека, отличившагося необыкновенными подвигами.

оно совершилось самимъ Ишаномъ, въ его домѣ, когда я былъ въ кибиткѣ невѣсты.

По выходѣ моемъ изъ кибитки, я увидѣлъ, что предъ домомъ Ишана раскинуто множество длинныхъ большихъ войлоковъ и нѣсколько ковровъ. Вскорѣ разсѣлись на нихъ туркмены и киргизы, подобравъ, по азіатскому обыкновенію, подъ себя ноги. Изъ двухъ кибитокъ, стоявшихъ на дворѣ Ишана, гдѣ происходила стряпня, слуги разносили, въ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ, сперва пловъ, потомъ мясо, потомъ сдобныя слоенныя лепешки. Богатымъ и почетнымъ гостямъ, сидѣвшимъ отдѣльно на коврахъ, подносили cadaго изъ этихъ кушаньевъ вдвое, и кромѣ того, кумысъ. Эти же самыя кушанья подавали и гостямъ женскаго пола, находившимся въ кибиткахъ и внѣ ихъ. Туркмены, какъ и киргизы, ложекъ и вилокъ не употребляютъ: пять пальцевъ—нѣжные-ли они и бѣлые, или грубые, грязные—замѣняютъ эти орудія; жидкость же они выхлебываютъ черезъ край чашки.

Любопытно и забавно смотрѣть, какъ эти народы подчуютъ другъ друга. Угощающій беретъ въ руку кусокъ мяса и самъ влагаетъ его въ ротъ любезнаго своего дитяти или гостя; но если разстояніе между нимъ и гостемъ большое, то этотъ послѣдній, по знаку подчующаго, развѣтветъ свой ротъ, и кусокъ, брошенный меткою рукою, прямо влетаетъ въ отверстую пасть. Такое забавное подчиваніе считается у нихъ самымъ дружелюбнымъ и почетнымъ.

Обѣдъ кончился, и гости встали съ своихъ мѣстъ.

Всѣ пошли къ кибиткамъ невѣстъ, гдѣ стояли разукрашенные верблюды. Здѣсь разостлали два большіе ковра. На средину cadaго поставили по чашкѣ съ пря-

никами и конфетами. Послѣ этихъ приготовленій, на коврахъ разсѣлись, въ двѣ линіи, одинъ противъ другаго, старшины и родственники. Съ тихимъ ворчливымъ бормотаньемъ, воздѣніемъ къ небу и опускаемъ въ землю глазъ и поглаживаніемъ лица и бороды, они совершили краткую молитву надъ пряниками и конфетами. Раздѣливъ эти продукты между собою, они съѣли ихъ съ какою-то бережливостію, важностію, торжественностію, едва шевели мускулами и челюстями. Съѣвши каждый свою долю, они разошлись.

Послѣ этого обряда изъ кибитки невѣсты Аувеса стали выносить разныя вещи. Ихъ не складывали, но въ порядкѣ бросали на одинъ коверъ. Тутъ были сукна, бархаты, шолкъ, богатые рубашки, халаты, тубитейки, (шапочки), шарфы, платки и, сверхъ этихъ дорогихъ вещей, куски простаго ситцу и тикю, въ аршинъ или немного какъ въ два,—длины.

Почти точно такія же вещи выносили потомъ и изъ другой кибитки, и бросали на другой коверъ. Это были подарки обѣихъ свадѣвъ.

Когда народъ вдоволь насмотрѣлся на всѣ эти вещи (ихъ для этого только и выносили), ихъ опять унесли въ кибитку. Дѣло дошло и до верблюдовъ, которые уже устали стоять на одномъ мѣстѣ. Одного изъ нихъ заставили лечь предъ входомъ въ кибитку невѣсты Аувеса. Тогда изъ этой кибитки вынесли небольшіе куски ситца и тика, которые мы уже видѣли, и положили на верблюда; затѣмъ три женщины, предшествуемыя свахою, вынесли закутанную невѣсту, у которой незамѣтно было даже ни одного члена человѣческаго. Женщины посадили невѣсту на верблюда; туда же съѣла и сваха. Раздались крики:

«эйттюф! эйттюф!» и верблюды, съ своею дорогою пошею, поднялся на ноги. Молодой туркменъ повелъ верблюда къ кибиткѣ жениха Ауеса. Вдругъ туркмены и киргизы съ крикомъ и гикомъ бросились на процессію и, заградивъ ей путь, стали требовать подарковъ. Сваха, желая скорѣе доставить вѣренную ея попеченіямъ невѣсту, къ родителямъ жениха, не жалѣетъ подарковъ и бросаетъ имъ платки, лоскутья ситца и тика. Иной, схвативъ брошенный ему платокъ или лоскутъ, не только не отстаетъ отъ процессіи, но еще задорливѣе прочихъ старается заградить ей путь. Лоскутья и платки летятъ на всѣ стороны, и вскорѣ свахѣ уже не остается чѣмъ дарить. Она очень хладнокровно сидитъ въ своемъ раскачивающемся шатрѣ, и смотритъ на бѣсную толпу. Шествіе еще болѣе замедляется. Но вотъ молодой туркменъ сильно подергивается за бурундукъ, продѣтый въ носъ верблюда, и животное, почувствовавъ страшную боль, мечется на всѣ стороны, оглашаетъ воздухъ страшнымъ крикомъ, брызжетъ въ толпу отвратительною жвачкою, и процессія подвигается впередъ. Наконецъ она кое-какъ добирается до желанной кибитки. Тамъ родные жениха съ почетомъ выходятъ встрѣчать невѣсту. Молодой туркменъ кричитъ верблуду: «чокъ! чокъ!» и покорное животное ложится предъ входомъ въ кибитку. Сваха сходитъ на землю и пособляетъ роднымъ жениха унести невѣсту въ кибитку. Тѣмъ и кончается свадьба.

Такая же перемонія происходила и съ другою невѣстою на другомъ верблудѣ.

— Послушай-ка, — спросилъ я одного почтеннаго туркмена, — зачѣмъ это народъ не давалъ дороги невѣстамъ?

— «Видишь-ли, отвѣчалъ — туркменъ, у насъ такой обы-

чай, законъ. Этимъ сопротивленіемъ народъ показываетъ къ невѣстѣ свою любовь: каждому будто жаль разстаться съ доброю и кротою дѣвушкою, и отпустить ее въ чужой аулъ, т. е. къ роднымъ жениха. Впрочемъ, — заключилъ умный туркменъ, — тутъ дѣйствуетъ не столько любовь къ невѣстѣ, какъ алчность къ подаркамъ; вѣдь ты видѣлъ какъ они протягивали руки, требуя подарковъ?

Черезъ полчаса происходила между туркменами и киргизами борьба. Побѣдителямъ дарили платки и ситецъ на рубашки, а одному отличному борцу, побѣдившему многихъ непріятелей, подарили барана, два платка и шарфъ.

Потомъ была скачка на лошадяхъ. Состязалось около двадцати челоѣкъ на пятнадцать верстъ, вдоль берега моря, слѣдовательно, взадъ и впередъ будетъ всего тридцать верстъ. Прискакавшему прежде всѣхъ, подарили верблюда, стоящаго до пятнадцати рублей, второму — лошадь, третьему — трехъ барановъ. Подарки эти собственноручно раздавалъ Ишанъ Нуръ-Мухамедъ, Бекъ-Турдинъ. Давно у у насъ въ степи не было такой пышной свадьбы.

Михаилъ Дыльницъ.

Писарь комендантскаго управленія въ фортѣ Александровскомъ.

ОСАДА ТРОИЦО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(въ стр. 129.)

VII 13
2

802-17
1927

ЧТЕНІЯ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ АВАДЦАТЬ ПЕРВЫИ

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№ № 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ дванадцати рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

КОЧУЮЩЕЕ ПЛЕМЯ ТУРКМЕНОВЪ.

I.

Туркмены или Трухменцы.—Путешествіе Вамбери съ караваномъ мусульманскихъ богомольцевъ.—Недовѣрчивость Туркменъ.—Русскія морскія станціи близъ персидскихъ береговъ.—Вамбери въ землѣ Туркменовъ.—Гостепримство Туркменовъ.—Ильинныя рабы.—Нападенія Туркменовъ на персидскія области.—Деревня въ башнѣ.—Трусость Персіянъ.

На южномъ берегу Каспійскаго моря, въ степяхъ, кочуютъ Туркмены. Постоянные грабежи и нападенія ихъ на пограничныя персидскія владѣнія и на русскіе, при-бывающихъ въ Астрабадъ для торговыхъ сношеній съ Персією, вынудили русское правительство—съ согласія Персіи,—учредить близъ Астрабада и Ашуръ-аде морскую станцію изъ четырехъ русскихъ судовъ для наблюденія за хищными Туркменами.

Туркмены, или Туркоманы—племя родственное съ Турками. Нравы и обычаи Туркменъ только недавно описаны путешественниками: французомъ Бловвилемъ и Венгерцемъ Вамбери. Бловвиль измѣнически захваченъ былъ Туркменами, и четырнадцать мѣсяцевъ пробылъ у нихъ въ плѣну. Другой смѣлый путешественникъ, Венгерецъ Вамбери, отправился въ 1863 году въ Персію, землю Туркменовъ, Хиву и Бухару, выдавалъ себя за турецкаго *дервиша* (богомольца). Это было опасное предпріятіе, мусульмане непременно убили бы его, если бы узнали, что онъ христіанинъ. Но Вамбери хорошо изучилъ языки восточныхъ странъ, мусульманскіе обычаи, и смѣло рѣшился, вмѣстѣ съ толпою мусульманскихъ богомольцевъ, посѣтить далекія, еще неизвѣданныя страны Средней Азіи.

Зимою 1863 года, Вамбери, вмѣстѣ съ своими спут-

ТУРКМЕНЪ.

никами, вступилъ въ землю Туркменовъ. Одѣтъ онъ былъ также, какъ и всѣ его спутники, нищіе — дервиши; тѣ, которые имѣли средства, наняли для предстоящаго странствія осла или верблюда, а остальные отправились въ путь пѣшкомъ, съ однимъ посохомъ въ рукахъ, въ ломотяхъ, подпоясанные веревкой. Всѣхъ странниковъ было 24 человѣка; въ числѣ ихъ были и сѣдые старики, и мальчики лѣтъ пятнадцати.

Путники шли бодро, распѣвая мусульманскія молитвы. Вамбери старался также не отставать отъ нихъ, крича изо всѣхъ силъ: «Аллахъ, ай Аллахъ!» Дервиши хвалили его за такое усердіе къ вѣрѣ, и во время пути часто одобрительно говорили: «изъ него будетъ хорошій дервишъ!» Только на одномъ ночлегѣ, въ мѣстечкѣ Каратюпе, нѣкоторые изъ жителей все таки усомнились, дѣйствительно ли Вамбери, или Хаджи-Решидъ, какъ онъ себя называлъ, дервишъ изъ Турціи. «Онъ вовсе не похожъ на дервиша,» говорили подозрительные мусульмане. «Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, зачѣмъ этотъ человѣкъ идетъ къ Туркменамъ.» Но Вамбери показывалъ видъ, что онъ не слышитъ этихъ толковъ. Онъ сидѣлъ какъ бы въ задумчивости, опустивъ голову. Туркмены спрашивали о Вамбери также у его спутниковъ, но тѣ увѣрили подозрительныхъ мусульманъ, что Вамбери дѣйствительно родомъ изъ Турціи, и предпринялъ теперь путешествіе къ мусульманскимъ святынямъ. Многіе недовѣрчиво качали головою, слушая этотъ рассказъ дервишей, но ничего имъ не отвѣчали.

Съ мѣста ночлега видѣлись вдали Каспійское море и Ашуръ-аде, — мѣсто стоянки русскихъ пароходовъ. Пока судно въ открытомъ морѣ — ему нечего бояться нападенія Туркменъ; но ни одно судно не рѣшается подойти къ берегамъ безъ сопровожденія военнаго парохода. Со времени учрежденія морской стоянки пароходовъ въ

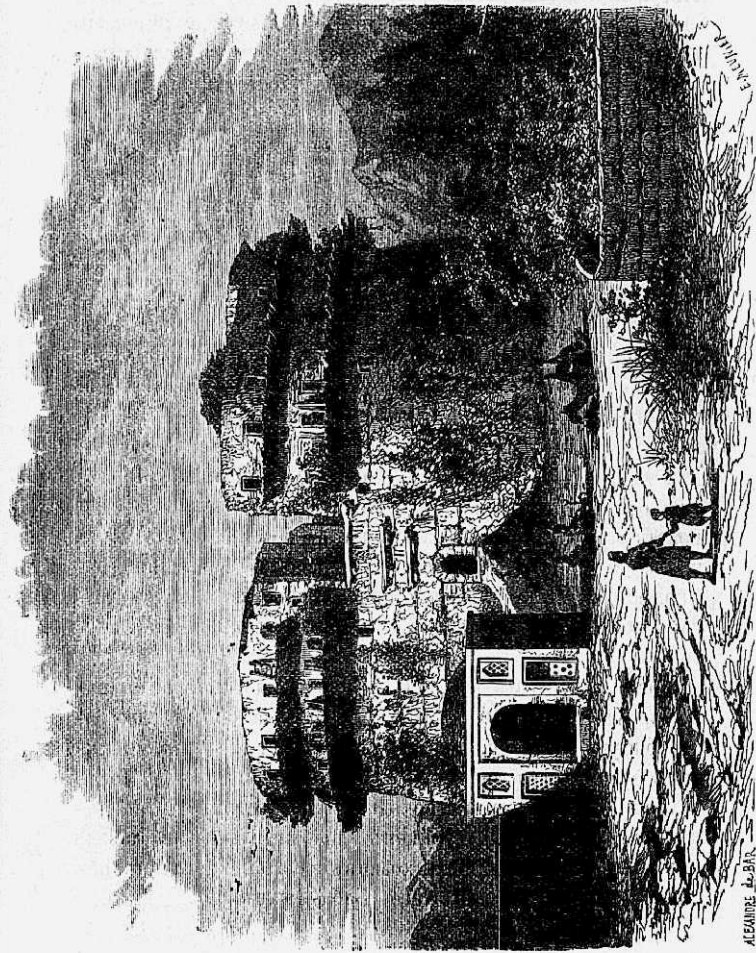
ТУРКМЕНИ ВЪ СВОЕЙ ПАЛАТКѢ.

Астрабадѣ и Ашуръ-аде, разбойничьи нападенія Туркменъ значительно уменьшились, потому что русскіе пароходы непрерывно разѣзжаютъ у береговъ, осматривая встрѣчающіяся туркменскія суда, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли на нихъ плѣнныхъ или оружія.

Прибытіе Вамбери и его спутниковъ въ Гемюштепе сдѣлалось тотчасъ же извѣстнымъ по всему мѣстечку: мужчины, женщины, дѣти—все выбѣжали изъ палатокъ и окружили странниковъ, совершившихъ дальнѣйшій путь въ Мекку—священный городъ мусульманъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ получить благословеніе, или хотя прикоснуться къ платью дервишей. «Мы были утомлены, измучены этими изъясненіями уваженія,» говоритъ Вамбери въ своихъ запискахъ. «Между тѣмъ начались споры: кому принять въ палатку странниковъ. Каждый звалъ насть къ себѣ; наконецъ, старшина Ханджанъ успокоилъ спорщиковъ, распредѣливъ въ каждую палатку по одному дервишу. Меня и еще одного изъ моихъ спутниковъ онъ повелъ въ свою палатку. Такъ какъ онъ жилъ на краю мѣстечка, то намъ пришлось пройти весь станъ туркменскій, состоявшій изъ множества палатокъ, плотно приставленныхъ одна къ другой, по обоимъ берегамъ узкой и мелководной рѣки Гергены.

Солнце уже закатывалось, когда мы добрались до палатки Ханджана; по обычаю, мы сначала обошли два раза вокругъ палатки, заглядывая въ четыре угла, и потомъ уже вступили подъ гостепріимный кровъ. Послѣ трудной дороги намъ необходимо было отдохнуть, но докучливые распросы Туркменъ положительно не давали намъ покоя. Между тѣмъ хозяинъ палатки хлопоталъ объ ужиинѣ, и вскорѣ сынъ его Баба-Джанъ (*), мальчишъ

(*) Баба-Джанъ собственно значитъ: душа огня; это имя Туркмены часто даютъ старшимъ, любимымъ сыновьямъ.

ДЕРЕВНЯ ЛАСКЕРЪ ПОСТРОЕННАЯ НА БАШНѢ.

(къ стр. 69.)

лѣтъ двѣнадцати, принесъ намъ на деревянномъ блюдѣ ужины: вареную рыбу и кислое молоко. Рабъ—плѣнный Персіанинъ, обремененный цѣпами, держалъ въ рукахъ блюдо, а Баба-Джанъ бралъ блюдо у него изъ рукъ и подносилъ намъ. Онъ иногда ставилъ блюдо передъ нами, потомъ отходилъ и садился рядомъ съ отцомъ, съ удовольствіемъ глядя, какъ мы жадно утоляли томившій насъ голодъ. По окончаніи ужина, спутникъ мой, какъ старшій, произнесъ молитву, поднявъ руки вверхъ. Всѣ присутствовавшіе послѣдовали его примѣру, и когда онъ произнесъ: бисмиллахъ, Аллахъ эзберъ,» всѣ, по восточному обычаю, провели руками по бородаѣ.

«Хозяинъ мой Ханджанъ, желая показать мнѣ свое довѣріе, говорилъ, что я могу безпрепятственно ходить по всему туркменскому стану и входить во всѣ палатки, потому что ихъ община соблюдаетъ гостепріимство, и никому не дозволить обидѣть прибывшихъ дервишей. Я былъ очень радъ этому, потому что мнѣ хотѣлось ознакомиться съ бытомъ и жизнью Туркменъ. Съ этого времени я часто ходилъ по стану съ однимъ изъ моихъ спутниковъ, который считался свѣдущимъ врачомъ. Спутникъ мой давалъ лекарство, а я при этомъ громко произносилъ благословеніе. За это намъ давали войлочную кошму, сушеную рыбу и т. п. Всѣ больные спѣшили воспользоваться этимъ, просили у меня также и *нефедъ* (священное дуновение), считая его не менѣе цѣлительнымъ.

Мы пробыли въ Гемюштепе три недѣли; но, не смотря на радушное гостепріимство Туркменовъ, каждый изъ насъ желалъ поскорѣе отправиться далѣе въ путь. Спутники мои говорили, что они не могутъ видѣть спокойно тѣ страшныя муки, которымъ подвергаются здѣсь плѣнные

рабы, преимущественно Персіане. Отъ нихъ отбираютъ всю одежду, замѣняя ее изорваннымъ тряпьемъ, едва прикрывающимъ тѣло; несчастные рабы изнемогаютъ подъ тяжелыми цѣпями, которыми они обременены, и кромѣ того, на ночь ихъ, прикрѣпляютъ къ желѣзному кольцу въ столбѣ. Туркмены по цѣлымъ недѣлямъ томятъ голодомъ своихъ плѣнниковъ, бьютъ и мучаютъ ихъ непрерывно. Если плѣнникъ не можетъ уплатить за себя выкупъ, то его перепродаютъ въ Хиву или Бухару, откуда несчастному уже почти нѣтъ возможности когда-либо вернуться на родину. Почти каждый Туркменецъ имѣетъ у себя плѣнныхъ рабовъ; у моего гостепріимнаго хозяина Ханъ-Джана также было двое рабовъ: молодые Персіане, одинъ 18, а другой 20 лѣтъ, и я не могъ безъ искренняго соболѣзнованія видѣть этихъ несчастныхъ молодыхъ людей. Но я ничѣмъ не могъ помочь имъ, не могъ даже ласково обходиться съ ними, опасаясь возбудить подозрѣніе въ Туркменахъ. Однажды я хотѣлъ, когда мы были совершенно одни, дать чашку чая одному изъ рабовъ, но, къ сожалѣнію, въ ту минуту, когда я протягивалъ къ нему руку, сынъ хозяина вошелъ въ палатку; я долженъ былъ показать видъ, что подзываю раба для того, чтобы ударить его за неисправность или оплошность, и я, дѣйствительно, слегка ударилъ его нѣсколько разъ. Младшій изъ рабовъ, красивый, 18-ти лѣтній Персіанинъ, просилъ меня написать письмо къ его роднымъ; онъ умолялъ ихъ продать все достояніе, чтобы только выкупить его изъ неволи. Желая помочь ему, я охотно исполнилъ его просьбу.

Жители Персіи издавна принимали различныя мѣры противъ нападенія Туркменъ и другихъ кочевниковъ. Такъ напр., въ одной изъ пограничныхъ областей Персіи цѣлая деревня *Ласкеръ* построена въ одной огромной башнѣ. Въ эту башню можно пробраться только черезъ ворота,

вышиною не болѣе, какъ въ ростъ человѣка. Внутри башни построены лачуги, на нѣсколькихъ уступахъ, одна надъ другою. Кругомъ башни, съ наружной стороны устроены изъ бревенъ выступы или галлерей. Близъ входа въ башню имѣется небольшое, особое зданіе, которое служитъ мѣстомъ для молитвъ. Населеніе этой деревни состоитъ изъ 120 человѣкъ, но кромѣ того, многіе жители, не имѣя возможности помѣститься въ самой башнѣ, живутъ по близости ея, въ землянкахъ.

Персіане до того боятся Туркменъ, что иногда отдаютъ имъ въ плѣнъ даже почти безъ сопротивленія и часто одинъ Туркменъ беретъ въ плѣнъ 4 и 5 Персіанъ. Иногда Персіане, при нападеніи Туркменъ, въ ужасѣ бросаютъ оружіе и начинаютъ вязать одинъ другаго. Для успѣха внезапныхъ нападеній Туркменовъ, имъ необходимы легкія и неутомимыя лошади, и дѣйствительно, лошади Туркменъ очень хороши. Оттого Туркмены хотя и берегутъ ихъ, укрываютъ отъ холода и зноя, убираютъ какъ можно наряднѣе свою сбрую и сѣдло. Часто можно видѣть всадника Туркмена, одѣтаго въ грязныя лохмотья верхомъ на статномъ, нарядно убранномъ конѣ.

II.

Свадебные обряды Туркменовъ.—Погребальные обряды.—Возвращеніе молодыхъ Туркменовъ изъ набѣга.—Отъѣздъ Вамбери въ другія кочевья Туркменовъ.

Во время нашего пребыванія въ Гемюштепе, хозяинъ нашъ, Ханджанъ женилъ своего сына, двѣнадцати-лѣтняго мальчика Баба-Джана на дѣвочкѣ лѣтъ десяти. Впрочемъ туркменскія дѣвушки рѣдко выходятъ замужъ ранѣе

16 или 17-лѣтняго возраста(*); до поры замужества, родители стараются устранять свою дочь отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ, чтобы лучше сохранить ея красоту. Чѣмъ красивѣе невѣста, тѣмъ болѣе выкупъ, который женихъ обязанъ дать родителямъ невѣсты. Выкупъ (калымъ) уплачивается обыкновенно деньгами.

Когда родители жениха и невѣсты условятся о бракѣ своихъ дѣтей, тогда мулла (духовное лицо) составляетъ письменный брачный договоръ и назначаетъ благоприятный день для свадьбы. Въ то-же время женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки и, между прочимъ, нѣсколько барановъ для брачнаго пиршества. Ко дню свадьбы палатка невѣсты украшается коврами, кусками сукна, лентами, перьями и т. п.

Между тѣмъ родные жениха изготовляютъ свадебный поѣздъ и убираютъ трехъ или четырехъ верблюдовъ коврами и кусками шелковыхъ матерій. Изъ мужчинъ—одни слѣдуютъ за верблюдами пѣшкомъ, а другіе ѣдутъ на коняхъ, вооруженные, какъ для набѣга. Невѣста, по обыкновенію, отказывается покинуть родныхъ, но ее наконецъ заставляютъ выйти изъ палатки и кладутъ на разостланную кошму (войлокъ). Мужчины поднимаютъ невѣсту на кошмѣ и слѣдуютъ перенести ее къ верблюдамъ; родные невѣсты преслѣдуютъ ихъ, бросая камнями и землей, между тѣмъ, вооруженные родные жениха какъ бы стараются отбить это нападеніе, стрѣляя на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ.

Первыя двѣ недѣли новобрачная проводитъ время въ кругу подругъ, занимаясь рукодѣльями. Затѣмъ родствен-

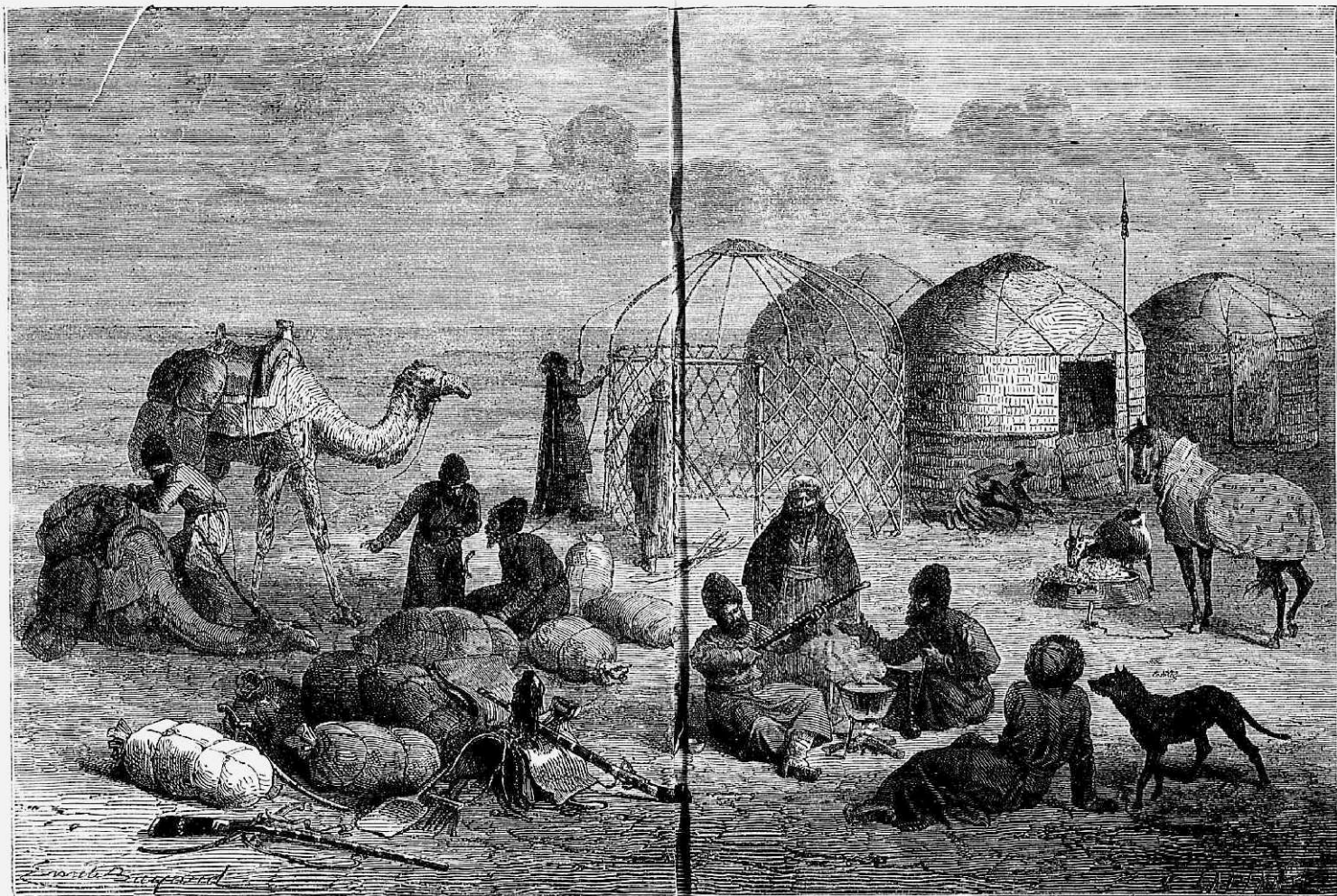
(*) Путешественникъ Вамбери не описываетъ брачныхъ обрядовъ Туркменъ; описаніе это мы заимствуемъ изъ сочиненія Ваювля: «Четырнадцатимѣсячный плѣвъ у Туркменцевъ».

ники мужа отводить молодую къ ея родителямъ, у которыхъ она и остается годъ или полтора, приготовляя ковры, коншмы, мѣшки и все необходимое для хозяйства. По окончаніи установленнаго срока, новобрачная окончательно переходитъ въ палатку своего мужа. У небогатыхъ Туркменъ брачный обрядъ совершается гораздо короче, и жена остается у родителей только въ томъ случаѣ, если женихъ не заплатилъ сполна всей суммы выкупа. Но если новобрачной удастся тайно уйти отъ родителей къ своему мужу, то они уже не имѣютъ права требовать обратно своей дочери, и лишаются недоплаченного выкупа.

Вамбери съ радостью согласился присутствовать на свадьбѣ молодого Баба-Джана, надѣясь при этомъ случаѣ еще болѣе изучить нравы и обычаи Туркменъ.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Гемюштепе, страпники наконецъ, рѣшились отправиться далѣе; уже наступало знойное время года, а дервишамъ надобно было еще пробѣжать по обширнымъ безводнымъ степямъ. Но Хан-джанъ и его пріятель Кюльханъ-пиръ ожидали возвращенія туркменской молодежи съ аламана (разбоя), и упрашивали дервишей подождать ихъ возвращенія. Вамбери присоединился къ толпѣ Туркменъ, поджидавшихъ съ большимъ нетерпѣніемъ возвращенія каракчи (набѣдниковъ). Въ этомъ набѣгѣ участвовалъ также сынъ Кюльхана, и отецъ ожидалъ его пріѣзда съ гордостью и нетерпѣніемъ.

Въ полдень, на противоположномъ берегу рѣки показались 8 туркменскихъ всадниковъ; они вели въ поводу до десяти лошадей, отбитыхъ ими во время нападенія на персидскія владѣнія. Я думалъ, что вся толпа встрѣтитъ ихъ радостными кликами, но, къ моему удивленію, Туркмены молчали, и только пристально глядѣли на прибли-

ЛАГЕРЬ Т Р К М Е Н О В Ъ.

(къ стр. 67.)

жавшихся всадниковъ. Чрезъ нѣсколько минутъ молодые Туркмены, возвратившіеся изъ набѣга, переплыли рѣку, сошли съ лошадей и молча подали руки своимъ роднымъ. Старики начали осматривать награбленную добычу, а молодые набѣдники, снявъ свои тяжелыя, мѣховыя шапки, отирали потъ съ загорѣлаго лица. Не смотря на все мое презрѣніе къ этимъ разбойникамъ и ихъ гнуснымъ поступкамъ, (говорить Вамбери) я не могъ не любоваться ими: молодые Туркмены были очень красивы въ своей короткой верховой одеждѣ, въ полномъ вооруженіи, на своихъ статныхъ, лихихъ коняхъ. Даже мрачный старикъ Кюльханъ казался умиленнымъ; онъ подвелъ къ намъ сына, и одинъ изъ моихъ спутниковъ благословилъ его. Послѣ того мы двинулись далѣе въ путь, въ общины другихъ туркменскихъ племенъ. Ханджанъ провожалъ насъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ. Я нѣсколько разъ упрасивалъ его возвратиться въ палатку, но Ханджанъ хотѣлъ непременно исполнить обычай туркменскаго гостепріимства. Наконецъ, послѣ обычной молитвы, мы разстались.

III.

Переправа чрезъ камышевыя топи.—Кабаны.—Безводная степь.—Могилы убитыхъ въ степи.—Отшельникъ, скрывающійся въ пустынь, изъ опасенія мести.—Недостатокъ воды.—Могила мусульманскаго святаго.—Колодезь съ горько-соленою водою.—Прибытіе каравана въ плодородныя мѣста.—Ямы съ дождевою водою.—Границы Хивинскаго ханства.

Путь нашъ лежалъ на сѣверо-востокъ, все далѣе и далѣе отъ берега моря, по странѣ, занятой кочевьями Туркменовъ. Мѣстность была ровная, покрывалъ высокою травой. Кругомъ все было пусто и безлюдно; только кое

гдѣ видѣлись туркменскія могилы. Край этотъ почти совершенно необитаемъ, и только бродячія шайки Туркменъ-разбойниковъ иногда нарушаютъ общее безмолвіе пустыни. А какія богатія, оживленныя селенія могли бы здѣсь возникнуть, если бы въ странѣ былъ упроченъ порядокъ и спокойствіе!

Намъ нѣсколько разъ приходилось переправляться чрезъ топи, поросшія камышомъ, въ которомъ бродили огромныя стада дикихъ кабановъ. Кюльханъ и нашъ проводникъ ѣхали впереди, чтобы обойти логовища этихъ животныхъ, близость которыхъ мы могли узнать только по хрюканью и по треску, производимому ими въ камышѣ. Я ѣхалъ, всматриваясь внимательно въ стороны, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась въ сторону и сбросила меня на землю. Въ ту же минуту изъ чащи камыша показался огромный кабанъ, но, къ счастью, проводникъ каравана и сынъ Кюльхана посѣщили ко мнѣ на помощь. Они отогнали кабана, помогли мнѣ выбраться изъ тины и поймали мою лошадь. Кюльханъ сказалъ мнѣ при этомъ, что я долженъ считать себя счастливымъ, потому что смерть, отъ пораженія дикимъ кабаномъ, лишаетъ, небесаго блаженства, даже и самаго благочестиваго мусульманина; по закону мусульманъ, кабанъ считается животнымъ нечистымъ.

Нашъ караванъ подвигался къ сѣверу, направляя путь—днемъ по солнцу, а ночью—по звѣздамъ. Часовъ черезъ 10 непрерывной ѣзды, мы остановились посреди степи. Нѣсколько Туркменъ сошли съ коней и начали осматривать небольшіе холмики, находившіеся по обѣимъ сторонамъ дороги: одному изъ нашихъ спутниковъ, Еидъ-Магомету, хотѣлось отыскать могилу своего брата, убитаго на этомъ мѣстѣ въ прошломъ году, въ схваткѣ съ враждебными Туркменами. Еидъ-Магометъ взялъ съ собою и

гробъ, чтобы перевезти въ Хиву тѣло убитого брата. Туркмены разрыли могилу, положили въ гробъ полусогнившій трупъ и обернули его войлокомъ. Все это время я и спутники мои, дервиши читали мусульманскія молитвы и изреченія Корана.

Еидъ-Магометъ испекъ хлѣбъ, для поминовенія покойнаго, и раздѣлилъ его между всѣми дервишами. Снова двинулись мы въ путь, прямо на сѣверъ, чрезъ большую безплодную пустыню. Шаги нашихъ верблюдовъ звонко отдавались по твердой, глинистой почвѣ. Ночь была тихая, звѣздная, и я, лежа въ своей корзинѣ, перекинутой чрезъ сѣдло верблюда (*), спокойно любовался звѣзднымъ небомъ.

Черезъ два дня мы миновали горы (Большой и Малый Балханъ) и керванбаши объявилъ намъ, что отсюда уже начинается настоящая степь; онъ совѣтовалъ намъ не разговаривать громко, не разводить огонь, чтобы не привлечь на свой слѣдъ разбойниковъ, бродящихъ по степи. Всѣ мы вооружились, кто чѣмъ могъ; я также взялъ ружье, немного пороку и пуль.

Подъ вечеръ я, керванбаши и нѣсколько Туркменовъ отправились искать въ оврагахъ воды, чтобы наполнить наши мѣха. Всѣ мы разбрелись по разнымъ направленіямъ, но не успѣлъ я пройти и 40 шаговъ, какъ спутникъ мой замѣтилъ неожиданно слѣды на пескѣ, и съ изумленіемъ вскричалъ: «здесь скрывается человѣкъ!» Мы зарядили ружья, и, идя по слѣдамъ, достигли наконецъ отверстія въ небольшую пещеру. Я заглянулъ въ нее и съ удивленіемъ увидѣлъ въ ней человѣка, съ длин-

(*) По обѣимъ сторонамъ сѣдла верблюда привязываютъ двѣ корзины; въ одну изъ нихъ садится ѣздокъ, а въ другую, для равновѣсія, нагружается накая нибудь кладь.

ными волосами и бородой, одѣтаго въ звѣриную шкуру. Увидя насъ, онъ выбѣжалъ изъ пещеры, съ копьемъ въ рукахъ. Но керванбаши спокойно прошепталъ: «аманболъ» (миръ съ тобою), опустил оружіе и тихо отошелъ отъ пещеры. «У этого человѣка кровь на головѣ», сказала мнѣ керванбаши. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ несчастный совершилъ убійство и, опасаясь неумолимой мести, бѣжалъ въ пустыню. Онъ уже нѣсколько лѣтъ скитается въ ней, не смѣя вернуться на свою родину.

Наши поиски воды оказались напрасными: нигдѣ не было и слѣдовъ ручья или источника, а между тѣмъ нашъ запасъ воды уже почти истощился. Я питался только небольшимъ количествомъ хлѣба, размачивая его въ горячей водѣ, потому что горько-солоноватая вода степныхъ колодцевъ, при кипяченіи, теряетъ свой горькій вкусъ. Силы мои совершенно истощились, жажда томила меня, а дни, какъ нарочно, становились все болѣе и болѣе знойными и удушливыми. Я лежалъ почти безъ движенія возлѣ моего разсѣдланнаго верблюда, когда неожиданно услышалъ вблизи радостный крикъ: «су, су!» (вода). Я поднялся съ изумленіемъ, и увидѣлъ, что керванбаши дѣйствительно раздаетъ каждому по два стакана воды. Онъ объявилъ намъ, что при переѣздахъ черезъ степи всегда прячетъ въ запасъ небольшое количество воды, которую и раздаетъ нуждающимся. Туркмены считаютъ такой поступокъ великимъ подвигомъ благочестія, и говорятъ, что за одну ваплю воды, данную въ пустынѣ жаждущему, отпускается сто грѣховъ.

Около полудня керванбаши сообщилъ намъ, что мы недалеко отъ мусульманской святыни: могилы святаго Хариманъ-Ата. Для поклоненія этой могилѣ мы должны были сойти съ коней и верблюдовъ, и болѣе четверти часа идти пѣшкомъ по раскаленному песку пустыни.

Обезсиленный зноемъ и жаждою, слабый, я однако же долженъ былъ также присоединиться къ богомольцамъ, бормотать молитвы и стихи изъ корана.

Могила мусульманскаго святаго была длиною болѣе 4 сажень и украшена бараньими рогами—знакомъ верховной власти въ Средней Азіи. Керванъ-баши разсказалъ намъ, что святой, погребенный въ этой могилѣ, былъ великанъ, и что онъ, будто бы, защищать всѣ окрестныя колодцы отъ злыхъ духовъ, которые хотѣли забросать ихъ камнями. Я очень обрадовался, когда узналъ, что вблизи могилы находится нѣсколько колодцевъ съ водою. Тотчасъ же поспѣшилъ я къ указанному мѣсту, и еще издали увидѣлъ воду, похожую издали на какую-то бурюю лужу. Я зачерпнулъ воду рукою—вода была холодная, какъ ледъ! Но я не могъ проглотить ни капли этой холодной воды: до того она была горька и солонa. Въ отчаяніи и изнеможеніи упалъ я на раскаленный песокъ близъ воды.

Къ счастью нашему, мы услышали вечеромъ, вдалекѣ раскаты грома; это придало всѣмъ намъ бодрость и силы. Около полуночи гроза разразилась надъ нами и нѣсколько тяжелыхъ, крупныхъ капель дождя упали на песчаную почву степи. Къ утру 24 мая мы уже добрались до окраины песчаной степи. Керванбаши объявилъ намъ, что, судя по многочисленнымъ слѣдамъ дикихъ ословъ и газелей, мы скоро достигнемъ до источниковъ свѣжей воды. Черезъ нѣсколько времени онъ дѣйствительно увидѣлъ источникъ и указалъ его каравану. «Су, су!» (вода) вновь закричали мы въ радости и бросились съ своими мѣхами къ глинистымъ ямамъ, чаюпаянимъ дождевою водою.

Черезъ полчаса послѣ того мы всѣ уже сидѣли за своею скудною, дорожною трапезою. Отсюда уже было недалеко до Хивы,—цѣль нашего странствія, и самая мѣстность не

была уже такъ пустынна и безлюдна. Изрѣдка намъ попадались небольшія озера, окруженныя зелеными лугами, палатки кочевниковъ, даже небольшія, полуразрушенныя деревни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, караванъ нашъ вступилъ въ Хиву,—одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Средней Азіи, столицу Хивинскаго ханства.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Уменьшеніе лѣсовъ въ Россіи. — Лѣсные промыслы. — Дикія животныя на сѣверной, восточной и южной окраинѣ Россіи. — Олени. — Пища оленей. — Лоси. — Гдѣ водится лось. — Охота на лоса. — Мѣры къ охраненію лосей отъ совершеннаго истребленія. — Лоси въ Новгородской губерніи. — Прирученные лоси. — Охота дикарей за лосемъ. — Поле оленьихъ роговъ. — Антилоповыя животныя. — Сайгакъ или маргачъ. — Пилыга или олень-волъ,

Было время, когда наша родина, Россія, была покрыта дремучими, непроходимыми лѣсами, но съ постепеннымъ увеличеніемъ народонаселенія, съ распространеніемъ земледѣлія и разныхъ промысловъ, лѣса въ Россіи истребляются весьма быстро. Извѣстно, что на мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время ощущается недостатокъ въ лѣсѣ, еще недавно находились густыя, лѣсныя чащи. Такъ, напр., извѣстно, что всѣ окрестности Кіева были нѣкогда покрыты лѣсомъ, отъ котораго нынѣ не осталось и слѣдовъ. На Волгѣ лѣса также давно уже вырублены; даже и густые, хвойные лѣса Вологодской губерніи постепенно вырубаются.